«Большая Евразия» — «Пояс и путь»

Сопряжение позитивных мифологий общеевразийского пространства

© Базавлук С. В., Егорченков Д. А., Курылев К. П., Юраков М. В.

© Bazavluk S., Egorchenkov D., Kurylev K., Yurakov M.

«Большая Евразия» — «Пояс и путь». Сопряжение позитивных мифологий общеевразийского пространства

"The big Eurasia" — "Belt and Road". Interface of positive mythologies of the Pan-Eurasian spaces

Аннотация. Подходы России и Китая рассмотрены через призму формирования единого евразийского пространства. Показано, что российский проект ЕАЭС и китайский ЭПШП обладают большим потенциалом для взаимного развития и сопряжения. При этом их идеологическая основа выходит далеко за рамки создания единого торгового рынка: и Россия, и Китай мыслят более широкими критериями, которые должны лечь в основу мифологии общеевразийского пространства.

Annotation. The approaches of Russia and China are considered through the prism of the formation of a single Eurasian space. It is shown that the Russian project of the EAEU and the Chinese "economic zone Silk Road" have great potential for mutual development and interfacing. At the same time, the ideological basis goes far beyond the creation of a single trade market: both Russia and China are thinking about broader criteria that should form the basis of the mythology of the common Eurasian space.

Ключевые слова. Евразия, Россия, Китай, ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, сопряжение, интеграция, развитие.

Key words. Eurasia, Russia, China, EAEU, Economic Belt Silk Roads, pairing, integration, development.

Объединять людей общими идеалами, убеждениями, ценностями и моральными установками

Си Цзиньпин

1

Для Большой Евразии [18] попытки широкой международной и межкультурной интеграции, выстроенной на общей ценностной и идеологической основе, не новы. Оставляя в стороне длинный список

БАЗАВЛУК Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН, проректор по работе со студентами РУДН.
ЕГОРЧЕНКОВ Дмитрий Александрович — директор Института стратегических исследований и прогнозов (ИСИП) РУДН.
КУРЫЛЕВ Константин Петрович — профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, директор Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС), главный редактор журнала «Постсоветские исследования», доктор исторических наук.
ЮРАКОВ Максим Вячеславович — зам. директора Института стратегических исследований и прогнозов (ИСИП) РУДН, кандидат политических наук.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165).

очевидных исторических примеров, начинающихся еще в учебниках Древней истории и завершающихся на излете XX в., отметим, что почти сразу после разрушения СССР, в 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев, выступая перед студентами МГУ им. М. В. Ломоносова, обозначил необходимость сохранения и развития системы прочных взаимовыгодных связей на постсоветском пространстве: «сам Бог велел доверять друг другу нам, государствам бывшего СССР. Доверять, беречь и укреплять наше сообщество. Мы видим, что есть силы, которые хотят развести нас "до конца", ослабить всех, посеять недоверие и вражду. Но ведь народам от этого будет только плохо... Когда идет бурный научно-технический прогресс, жесткая борьба за рынки сбыта, выжить можно только в объединении. Посмотрите: страны Западной Европы с многовековой государственностью идут на объединение. Они... понимают, что мировой рынок жестко поляризуется: Северная Америка, Япония, наконец, азиатские «молодые тигры». Мы же, республики бывшего Союза, историей и судьбой подготовлены к единому сообществу. Нам присущи одни формы и механизмы связей и управления, общий менталитет, многое другое. Вопрос в том, что у некоторых политических лидеров... существует паническая боязнь возрождения империи. Но на это уже никто не пойдет! Речь может идти о новом, равноправном сотрудничестве. Однако от страха закрываются глаза на объективные экономические законы, не зависящие ни от политической конъюнктуры, ни от государственных границ» [29].

Тогда эта идея оказалась замеченной, но во многом недооцененной — на пространстве СНГ шли центробежные процессы, порожденные нарушением традиционных хозяйственных связей и форм взаимодействия в рамках поздней советской экономики в совокупности с коллапсом ценностных и смысловых основ, связывавших воедино советское общество (*и*, *шире*, весь социалистический мир). Второй элемент процесса довершил интеллектуальный разгром позитивного интеграционного мифа, на котором развивался СССР в лучшие его периоды, когда темпы роста в экономике, науке и социальной сфере опережали лидеров мировой капиталистической системы.

Сейчас центростремительные процессы на постсоветском пространстве продолжают идти, пусть тяжело и противоречиво. Они вылились в создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который на фоне общей пробуксовки мировой экономической интеграции выглядит вполне удачно и даже достиг системности в переговорах по заключению торгово-экономических соглашений с третьими странами, в том числе в формате зон свободной торговли («более 50 стран обратились к нам с желанием установить прямые экономические отношения, в том числе и в виде зон свободной торговли» [30]).

Одним из очевидных преимуществ союза стала зафиксированная в учредительном договоре политическая толерантность как идеологический концепт: «уважение особенностей политического устройства государств-членов» [3]. Именно это положение, сделанное авторами

союзного договора вторым по важности среди принципов функционирования организации, открыло дорогу к взаимодействию с важнейшим экономическим игроком на востоке континента — Китайской Народной Республикой.

В силу реалий современного миропорядка основная работа по поиску совместных путей для Евразии лежит на двух основных силах — России и Китае. Две в разной степени евразийские державы в настоящий момент оказались в уникальном положении. Еще в 2017 г. эксперты *Валдайского клуба* констатировали, что Москва и Пекин могут оказаться «союзниками поневоле» [6] из-за агрессивной политики США по отношению к ним.

Различия политического устройства России и Китая носят, на наш взгляд, скорее вкусовой характер, а схожесть черт — вплоть до особенностей внутриполитического дискурса — при ближайшем рассмотрении проявляется вполне рельефно [19]. Именно поэтому на международной арене две страны нередко выступают единым фронтом, в том числе и на площадках международных организаций (ООН, ВТО и т. д. [4]), и на полях глобальных форумов (G20, АТЭС и т. д. [26]).

Евразийское направление входит в число приоритетных как для России, так и для Китая.

2

Москва с момента демонтажа СССР не скрывала во всех своих внешнеполитических концепциях особого статуса постсоветского пространства — зоны коренных национальных интересов России. Сейчас основным направлением усилий здесь является формирование и точная настройка Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что отражено в редакции Концепции внешней политики 2016 г.: «Россия считает ключевой задачу углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)... в целях стабильного развития, всестороннего технологического обновления, кооперации, повышения конкурентоспособности экономик государств — членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения. ЕАЭС призван обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, стать площадкой для реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов» [31].

Российская идея евразийского партнерства опирается на экономическую целесообразность: «[Россия] активно использует возможности региональных экономических и финансовых организаций для развития национальной экономики, уделяя особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов в Евразии» [31].

По мере формирования позитивной политической повестки внутри страны она развивается и на евразийском пространстве. Так, Россия прикладывает усилия к исключению вмешательства внешних сил

в Средней Азии. Во многом это вызвано тем, что в 2000—2010-х гг. в дела региона активно вмешивались США, не без помощи которых были подготовлены «цветные революции» в Киргизии (2005-й и 2010 г.) и Узбекистане (2005 г.). Именно в контексте *отстаивания суверенных прав* государств на определение своего будущего начинает формироваться и *плодотворная политическая мифологема*, которую продвигает Москва на постсоветском пространстве и которая в перспективе будет стыковаться с китайскими подходами к евразийской интеграции.

Китайцы долго не включали соседние страны в список приоритетных направлений, но при Си Цзиньпине ситуация кардинально изменилась [33]. В своей новой политической доктрине Пекин намерен охватить в равной степени все пограничные регионы. Более того, современная китайская дипломатия намерена распространить влияние ИПИП («Инициатива Пояса и пути»[1])и на регионы, которые никогда в орбиту традиционного маршрута «Шелкового пути» не входили: это Африка, Латинская Америка, Австралия и Океания.

Вот как идея выглядит в изложении агентства «Синьхуа»: «“В 2013 г. я впервые выступил с инициативой о создании сообщества единой судьбы человечества. Очень рад увидеть, что дружба и сотрудничество Китая с разными странами мира постоянно расширяется, концепция сообщества единой судьбы человечества завоевывает все большую поддержку и одобрение, превращаясь из концепции в реальные действия”, — сказал Си Цзиньпин, добавив, что именно инициатива “Пояс и путь” призвана провести в жизнь эту концепцию. За четыре года совместное строительство “Пояса и пути” уже стало огромной платформой сотрудничества для осуществления общего развития заинтересованных стран» [12].

Эксперты отмечают, что если ранее китайская политика на данном направлении ограничивалась лишь взаимной экономической выгодой, то сейчас ситуация заметно изменилась: китайцы порой идут на создание не самых выгодных для себя торгово-экономических цепочек, чтобы привлечь новых участников к своей инициативе [20].

В Пекине при этом отлично понимают, что далеко не все соседние страны настроены благодушно, со многими у Китая есть традиционные многовековые споры (яркий пример — Япония). Именно на постсоветском пространстве в предыдущий период пограничные споры были успешно решены.

Китайские эксперты смогли выработать целую систему селекции для разграничения соседних государств и выработки по отношению к ним адекватного политического курса. Так, были выработаны следующие критерии оценки:

— политика по отношению к Китаю (благоприятная — неблагоприятная);

[1] С 2016 г. китайская сторона предпочитает наименование «Инициатива пояса и пути» (*англ.* — Belt and Road Initiative — BRI) вместо устаревших, на ее взгляд, и не дающих полной картины смысла названий «Один пояс — один путь» и «Экономический пояс Шелкового пути».

— их интересы и подходы к поддержанию региональных порядков;

— наличие (признание ими) политических угроз в связи с ростом влияния Китая в мире;

— близость их интересов с интересами США;

— степень зависимости от китайского рынка;

— характер их текущих взаимоотношений с Китаем [34].

С геополитической точки зрения современная КНР — это *морская и континентальная держава*, которая уделяет пристальное внимание восточному — морскому, или азиатско-тихоокеанскому, и западному — континентальному, или евразийскому, направлениям в своей *«соседской дипломатии»* [36]. Таким образом, евразийское направление для Китая является одним из приоритетных, но не единственным. Одновременно в плане инфраструктурного сопряжения ЕАЭС и инициативы перспективным выглядит перенаправление морской торговли КНР с ЕС из акватории Индийского океана на Северный морской путь, активным продвижением и развитием которого в последние годы занялась Россия. Заметны и совместные усилия двух сторон по развитию этого направления сотрудничества [24]. Подобные попытки предпринимались еще в советское время, но именно сейчас климатический фон в Арктике позволяет приступить к практическому освоению нового маршрута [16]. По крайней мере, именно этот логистический маршрут будет самым коротким и безопасным. Таким образом, и морская составляющая китайской экономики будет все больше ориентирована на *внутриевразийские коммуникации*.

Осознание безальтернативности создания Большой Евразии с участием Китая закрепилось вовсе не сразу. В сфере безопасности контакты были налажены еще в конце 1990-х, когда в 1996—2001 гг. Россия, Китай, Узбекистан, Киргизия, Казахстан и Таджикистан встали на путь формирования регионального объединения — Шанхайской организации сотрудничества. Во многом это было связано с тем, что процессы, связанные с распадом СССР, повышали конфликтный потенциал в Средней Азии: гражданская война в Таджикистане, нестабильность в Афганистане требовали внешнего вмешательства для стабилизации региона. Основные положения ШОС были закреплены в декларации, подписанной сторонами при создании организации [2]. Упор был сделан на проведение совместных военных учений и борьбу с терроризмом.

Понимание *экономической целесообразности* пришло позже. В 2000-х Москва пыталась перезапустить интеграцию на постсоветском пространстве, для чего было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), предпринимались попытки реанимировать СНГ. Но по-настоящему проект был запущен только с 1 января 2015 г., когда вступил в силу подписанный лидерами России, Белоруссии и Казахстана 29 мая 2014 г. договор об образовании ЕАЭС (с присоединением к нему в 2015 г. также Армении и Киргизии). Именно на этой основе стало возможно предметное объединение усилий.

Особый интерес представляет формирование политико-идеологической платформы ЕАЭС. Союз создавался исключительно на экономической базе, что в корне отличает его от, например, Евросоюза, ставившего «общие ценности» во главу угла с самого начала своего существования. Уходя от ценностной привязки, Москва последовательно пытается продемонстрировать отсутствие в обновленном интеграционном проекте для Евразии каких-либо жестких идеологических рамок, свойственных СССР. Но все равно страны ЕАЭС можно объединить неким общим политико-идеологическим знаменателем: большинство стран-участниц являются бывшими советскими республиками, вставшими в 1990-х гг. на путь созидания демократических институтов власти с учетом своих национальных особенностей. В качестве ценностно-идеологической основы евразийской интеграции специалисты выделяют четыре основных принципа:

1. «Цель интеграции — создание полноценного конкурентоспособного глобального экономического союза.

2. Евразийский союз должен стать новым рациональным проектом, а не восстановлением СССР.

3. Евразийский союз — это открытый проект и составная часть общеевропейских интеграционных проектов.

4. Евразийский союз — новый геополитический проект и составная часть нового мирового порядка [14]».

Достаточны ли эти подходы для формирования полноценной позитивной политической мифологии объединения? На этот вопрос ответ пока скорее отрицательный.

3

Политика по перезапуску формата евразийской интеграции произошла на фоне мощного роста Китая как одного из ведущих политических и экономических центров. В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпинь в ходе открытой лекции в Астане (ныне город Нур-Султан) заявил о запуске проекта Экономического пояса «Нового Шелкового пути» [25]. Глава Китая четко обозначил заинтересованность Поднебесной в распространении своего присутствия по всему евразийскому пространству, причем одна из первых ролей в этом процессе принадлежала сопредельной Средней Азии. Идея расширения влияния Китая рассматривалась и китайским научным сообществом, в частности, исходя из тезиса, что Россия и Китай могут учесть интересы друг друга в той же Средней Азии [17]. В 1990-х гг. китайские эксперты констатировали: «СНГ является традиционной сферой влияния РФ, к любым внешним силам здесь Россия очень чувствительна, и КНР не является исключением» [32]. С ростом влияния третьих стран в регионе в начале XXI в. Китай стал проводить более активную политику по продвижению своего влияния, всячески подчеркивая намерение *считаться с интересами* Москвы в регионе [32].

С первого взгляда можно было бы констатировать появление зоны противоречий в отношениях между Россией и Китаем. Но КНР, в отличие от западных партнеров, на декларативном уровне не преследует цели вытеснения Москвы с постсоветского пространства, что позволило сторонам прийти к идее о *сопряжении* двух интеграционных проектов — ЕАЭС и ИПИП [8].

В современной дипломатии Поднебесной идеологию интеграционной концепции принято маркировать четырьмя иероглифами — 亲, 诚, 惠, 容 (дружелюбие, искренность, взаимная выгода и толерантность). Таким образом, претворяя в жизнь наиболее мягкую внешнюю политику, направленную на поддержание мира и сотрудничества, Пекин сознательно понижает градус конфронтации на своих западных и юго-западных рубежах [36].

2 декабря 2014 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Стратегический план строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», который, вероятно, содержит основные представления китайской стороны по практической реализации проекта. Но текст документа до сих пор не представлен в открытом доступе [36].

Подобная скрытность не могла быть позитивно отмечена как среди политических элит других стран, так и экспертным сообществом, поэтому в марте 2015 г. был издан в формате «Белой книги» документ «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [21]. В подготовке документа принимали участие Государственный комитет по развитию и реформе, Министерство коммерции и Министерство иностранных дел [11]. Участие Министерства иностранных дел и быстрая публикация переведенного на иностранные языки текста документа на сайтах китайских дипломатических представительств за рубежом говорят о том, что документ был подготовлен специально для иностранных партнеров. Нормативно-правовой вакуум породил некоторые спекуляции и хаотизацию в экспертной среде, что и было исправлено китайской стороной.

В своих положениях принятый концептуальный документ отражает пять приоритетов китайской стороны:

— политическая координация;
— взаимосвязанность инфраструктуры;
— рост торговых связей;
— свободное перемещение товаров и капитала;
— усиление гуманитарного сотрудничества [1].

Основная роль отводится инфраструктурной составляющей «Одного пояса — одного пути». Китайские власти подчеркивают ориентацию на долгосрочную перспективу. Особое место в тексте документа отводится уважению суверенитета стран-партнеров.

В Москве 8 мая 2015 г. состоялась встреча глав России и Китая, в ходе которой было подписано соглашение о сопряжении двух интеграционных проектов — ЕАЭС и ИПИП [27]. Сотрудничество между Пекином и странами ЕАЭС в рамках предложенного формата предполагалось по-

средством реализации проектов по строительству инфраструктуры, в том числе высокоскоростных железных дорог, объектов топливно-энергетического комплекса [13]. Тогда же китайская сторона заявила, что «поддерживает активные усилия Российской Стороны по продвижению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и начнет переговоры о заключении с ним соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве» [27]. Тем самым обозначена была поддержка Китаем евразийской интеграции с использованием различных по направлениям и задачам проектов, в том числе в зонах непосредственного соприкосновения сфер влияния России и Китая.

Так, сотрудничество со странами Средней Азии — весьма продуманный вариант для расширения зоны китайского экономического влияния. Во-первых, в последние годы наблюдается устойчивый рост товарооборота между ними и Китаем. Во-вторых, у Китая нет территориальных претензий к этим странам, последние противоречия были разрешены в 1997—1998 гг. после подписания соглашений о границе между Китаем и Казахстаном. В-третьих, после разрушения СССР в регионе образовался идеологический вакуум, благодаря которому Китай смог приступить к реализации политики, направленной на увеличение своего влияния. В это же время свое влияние в регионе попытались установить США, свой лидирующий статус в регионе пытается отстоять и Россия. Тем не менее, именно здесь складываются благоприятные предпосылки для развития китайского внешнеполитического потенциала.

Развитие проекта «Инициатива Пояса и пути» (ИПИП) в направлении Средней Азии позволит этим странам значительно улучшить свое место в международной системе разделения труда. Если сейчас этот регион не играет большой роли в мировой политике, то в будущем его значение может вырасти. Приход китайских инвестиций, развитие инфраструктуры, модернизация производства имеют для стран—участниц проекта большое значение.

В июне 2016 г. на полях Петербургского экономического форума Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о запуске проекта «Большая Евразия» [11]. В рамках выдвинутого предложения предусматривалось постепенное снятие барьеров и создание условий для максимально эффективного развития Евразии. Тогда глава государства заявил, что более 40 стран и международных организаций выразили свое желание создать зону свободной торговли с ЕАЭС, особо подчеркивалась роль тесных отношений с такими странами, как Китай, Индия, Пакистан, Иран. Тем самым Россия де-факто заявила о своем намерении наравне с Китаем участвовать в формировании единого евразийского пространства.

Инициатива российского лидера относилась и к странам Евросоюза, которые на тот момент уже два года проводили против Москвы политику санкционных ограничений, введенных в связи с украинским кризисом. Это нашло отражение в Концепции внешней политики России: «стратегической задачей в отношениях с ЕС является формирование общего

экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции, что позволит не допустить появления разделительных линий на европейском континенте» [31].

Таким образом, Москва, как и Пекин, позиционирует себя в качестве одного из центров консолидации единого евразийского пространства. Однако темпы экономического развития России не позволяют стать локомотивом значительных интеграционных процессов. Поэтому российская сторона говорит о координации усилий с китайскими коллегами: их экономическая сила позволит решить в том числе и политические задачи, а Россия сможет не только обеспечить общую безопасность, но и стать в перспективе культурным мостом для сглаживания противоречий на западном фланге евразийского пространства.

4

Критики обычно отмечают, что сегодня с институциональной точки зрения сопряжение ЕАЭС и ИПИП выглядит идеей, не лишенной противоречий, поскольку сами эти форматы имеют большие отличия друг от друга. ЕАЭС — созданная на евразийском пространстве международная организация с чисто экономическим набором функций, но при этом стройной бюрократизированной системой управления. А китайский проект ИПИП сложно уместить в какую-либо правовую структуру, поскольку сама идея «Экономического пояса Шелкового пути» является концепцией внешней политики КНР, основанной на двусторонних отношениях и не предусматривающей создание каких-либо сложных интеграционных структур.

В текущей политической конъюнктуре Пекину и Москве был необходим красивый политический жест, связанный с «разворотом спина к спине» [6]. По оценкам, между Россией и Китаем было заключено джентльменское соглашение, согласно которому китайская сторона получила преимущества в экономической сфере, а российская — в политической [7].

26—27 апреля 2019 г. в Пекине состоялся форум международного сотрудничества «Пояса и пути», в котором страны постсоветского пространства играли одну из ведущих ролей. Набранный темп сотрудничества был подтвержден 17 мая 2019 г. в ходе экономического форума в столице Казахстана, где было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китаем [28]. Подчеркивалось, что участие государств в проекте «Нового Шелкового пути» будет способствовать их устойчивому развитию. Первый президент Казахстана Н. А. Назарбаев отметил, что «благодаря усилиям Китая, России, стран Европы и Центральной Азии, многих других участников, современный Шелковый путь становится поясом стабильности и развития» [23]. Таким образом, на декларативном уровне интересы сторон необходимо признать схожими.

В настоящий момент имеются все предпосылки для развития сотрудничества России и Китая в рамках сопряжения ЕАЭС и ИПИП. При этом Москва и Пекин находятся в одинаковых условиях политического давления со стороны США, и обе стороны обладают возможностями, которые у них по отдельности отсутствуют: Россия предлагает свой военно-политический потенциал, Китай — торгово-экономический. Москва показывала свою максимальную заинтересованность в развитии связей с Китаем с 2014 г., с момента введения экономических санкций из-за украинского кризиса.

Последние пять лет Пекин не был заинтересован в излишне интенсивном развитии отношений с РФ: товарооборот рос, но реальные шаги по выстраиванию сотрудничества в рамках ИПИП оставались на скромном уровне. Сейчас Китай также оказался под внешнеполитическим давлением США, что может привести к пересмотру его подхода в отношениях с Россией в пользу более интенсивного сотрудничества. Как показали события торговой войны 2017—2019 гг., в ходе которых Поднебесная продемонстрировала свою уязвимость, Пекин нуждается в политической поддержке Москвы.

В торговой войне между США и КНР сложилась уникальная ситуация: американский капитал (при достижении согласия среди представителей ТНК) может быть выведен из Китая, что лишит его устоявшихся экономических цепочек и технологической поддержки. Но в Китае за последние десятилетия был создан крупнейший производственный комплекс в мире. Таким образом, в случае продолжения Вашингтоном политики ограничительных мер по отношению к Пекину именно китайская производственная мощь может стать основным драйвером роста и развития всей Евразии.

5

У России и Китая гораздо больше общего, чем различий в понимании развития евразийского материка. С точки зрения создания позитивной мифологии интеграционного процесса и Москва, и Пекин в качестве доминанты выбирают экономический базис, отличие — лишь в формате работы: Россия — через многосторонний ЕАЭС; Китай — через многочисленные двусторонние соглашения, не отказываясь от прямых контактов с интеграционными структурами. Одновременно обе страны не заинтересованы в появлении в Средней Азии (где у них больше всего пересечений общих интересов) новых третьих сил, включая США, что лишает такую тонкую тему лишнего напряжения. Появление каких-либо глубоких противоречий между двумя странами в других районах Евразии маловероятно в силу ограниченного экономического потенциала Москвы и рациональной политики Пекина.

Кроме того, Пекин начал отход от традиционной для себя политики исключительной экономической выгоды, выработав четкие критерии для определения партнеров. Этот опыт можно учесть и при

формировании основных направлений российской дипломатии, тем более что уроки украинского кризиса и последовавшая за ним санкционная политика стран Запада ясно демонстрируют: экономические интересы в современной политике далеко не всегда играют ключевую роль.

Не случайной в этом смысле стала сопряженная с концепцией ИПИП китайская инициатива «сообщества единой судьбы» как мощнейшей идеологемы, направленной прежде всего на евразийское пространство: «Формирование глобального “сообщества единой судьбы” выбрано в качестве базовой стратегии в развитии социализма с китайской спецификой в новую эпоху для продвижения идей мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды, которые помогают преодолеть отчужденность, распри и конфликты между разными странами, народами и религиями. Эта стратегия делает акцент на взаимной помощи и поддержке, общности этических норм и интересов, совместном преодолении проблем, принятии общей судьбы. Она отдает дань уважения многообразию мировых цивилизаций и культур, нацелена на коллективное созидание чистого и прекрасного мира, где царят... всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность. Все это перекликается с заявленными ООН целями мира и развития, основанными на беспристрастности, справедливости, демократии и свободе, и вместе с тем еще более приближено к нынешним реалиям международных отношений» [9]. Не случайно в процитированном программном тексте особое место уделяется роли России в реализации проекта: «Обе страны способствуют процессу разрешения различных острых проблем политическими средствами, совместно противодействуют унилатерализму и торговому протекционизму, отстаивают концепцию “сообщества единой судьбы”, выступают за формирование международных отношений нового типа» [9].

На современном этапе интеграционные процессы на евразийском пространстве, где Россия и Китай по-своему играют ключевые роли, имеют и культурно-идеологическую основу для дальнейшего развития. Безусловно, экономический и транспортно-логистический базис является драйвером происходящих изменений, однако евроазиатское пространство должно стать «центром притяжения» не только с экономической, но и с культурно-гуманитарной, образовательной и идейной точек зрения. Так, в 2017 г. Президент РФ В. В. Путин во время своего выступления на Международном форуме «Один пояс — один путь» заявил: «Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. Нашим гражданам нужны очень понятные вещи: безопасность, уверенность в завтрашнем дне, возможность трудиться и повышать благосостояние своих семей. Обеспечить им такие возможности — наш общий долг и общая ответственность. И в этом отношении

Большая Евразия — это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее» [22].

Евразийская интеграция — новая форма экономического сотрудничества, отвечающая новым экономическим реалиям. К ее целям следует отнести обеспечение интересов ее членов, стремление к успешному социально-экономическому развитию, которое способствует улучшению уровня жизни людей.

Таким образом, смыслы, определяющие будущее отношений России и Китая, а также всех интеграционных процессов в Евразии, будут формироваться на основе не только геоэкономической общности, но и формирования альтернативного культурно-цивилизационного пространства, цель которого — «политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частично отсталых или подавлявшихся евро-азиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» [18].

Есть еще и близкая по подходам в Москве и Пекине тема «альтернативной глобализации» — она неизбежно будет определять большие смыслы взаимодействия на евразийском пространстве при участии России и КНР. Суть ее — в концентрации важнейших экономических, политических и культурно-гуманитарных процессов на пространстве Большой Евразии.

Таким образом, создание позитивной и продуктивной мифологии новой евразийской интеграции идет полным ходом.

Литература

1. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете : полный текст // Посольство КНР в Республике Казахстан. — http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm (дата обращения: 18.07.2019).

2. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Сайт Президента РФ. — http://www.kremlin.ru/supplement/3406 (дата обращения: 18.07.2019).

3. Договор о Евразийском экономическом союзе // Сайт ЕАЭС. — https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610 (дата обращения: 18.07.2019).

4. За стали : Россия и Китай вместе поборются в ВТО с американскими пошлинами / Коммерсант. 2018. 24.03. — https://www.kommersant.ru/doc/3580676 (дата обращения: 18.07.2019).

5. Замглавы МИД КНР ЧжанХаньхуэй: Китай и Россия — стоим спиной к спине // Свободная пресса. 2019. 25.04. — https://svpressa.ru/politic/article/231282/ (дата обращения: 18.07.2019).

6. К великому океану — 5: от поворота на восток к большой Евразии // Валдайский клуб. 2017. 20.02— http://ru.valdaiclub.com/files/17048/ (дата обращения: 18.07.2019).

7. Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию / Ведомости. 2015. 25.10. — https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii (дата обращения: 18.07.2019).

8. **Караганов С. А.** Евроазиатский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. 2015. № 4.

9. Китай предложил миру новый путь // Российская газета. 2019. 23.04. — https://rg.ru/2019/04/23/chislo-storonnikov-koncepcii-soobshchestva-edinoj-sudby-v-mire-rastet.html (дата обращения: 18.07.2019).

10. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи : аналитический доклад. М. : Научный эксперт, 2016.

11. Компас победителей // Российская газета. 2016. 19.06. — https://rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryt-i-dlia-evropy.html (дата обращения: 18.07.2019).

12. Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия — сказал Си Цзиньпин // Синьхуа-Новости. 2017. 12.01. — http://russian.news.cn/2017-12/01/c_136793972.htm (дата обращения: 18.07.2019).

13. Лавров: Либерализация торговли между ЕАЭС и ШОС поможет росту экономики стран-участниц / ТАСС. 2016. 12.04. — https://tass.ru/politika/3197616 (дата обращения: 18.07.2019).

14. **Лапенко М. В.** Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 8.

15. **Ли С., Ван Ч.** Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // Международные процессы. 2014. № 3.

16. Незаменимая держава // Россия в глобальной политике. — https://globalaffairs.ru/number/Nezamenimaya-derzhava-20092 (дата обращения: 18.07.2019).

17. Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая : Интервью с Чжао Хуашеном, директором Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета. Шанхай, 2013. 20.12. / РСМД. — http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2883#top-content (дата обращения: 18.07.2019).

18. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2017. 30.05. — https://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739 (дата обращения: 18.07.2019).

19. Пересобрать сломанный мир? // Известия. 2019. 01.07. — https://iz.ru/894857/dmitrii-egorchenkov/peresobrat-slomannyi-mir (дата обращения: 18.07.2019).

20. **Песцов С. К.** Регионализм и новая периферийная политика Китая // Мировая политика. 2017. № 3.

21. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // МИД КНР. 2015. 28.03. — http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml (дата обращения: 18.07.2019).

22. Путин рассказал о взгляде России на будущее евразийского партнерства/ РИА «Новости». 2017. 14.05. — https://ria.ru/20170514/1494251850.html (дата обращения: 18.07.2019).

23. 5 лет Евразийского союза: взгляд из Казахстана // Евразия. Эксперт. — https://eurasia.expert/5-let-evraziyskogo-soyuza-vzglyad-iz-kazakhstana/ (дата обращения: 18.07.2019).

24. Россия и Китай подписали в Москве дорожную карту научного сотрудничества // ТАСС. 2019. 19.07. — https://tass.ru/nauka/6681617 (дата обращения: 19.07.2019).

25. Си Цзиньпин: Китай снизит тарифы и барьеры для импорта иностранных товаров // РИА «Новости». 2019. 26.04. — https://ria.ru/20190426/1553065836.html (дата обращения: 18.07.2019).

26. Синьхуа (Китай): Китай и Россия играют важные роли в «хороводе» мировой экономики открытого типа // Иносми.ру. 2018. 20.11. — https://inosmi.ru/politic/20181120/244045522.html (дата обращения: 18.07.2019).

27. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Сайт Президента РФ. 2015. 08.05. — http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 18.07.2019).

28. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве — дорожная карта сопряжения ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь» / «Один пояс — один путь». Интернет-портал. — https://rus.yidaiyilu.gov.cn/viewpoint/comment/56079.htm (дата обращения: 18.07.2019).

29. Текст выступления опубликован в книге «Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника Деятельности. 1994—1995 годы». Астана, 2010 г.

30. Тигран Саркисян: Более 50 стран хотят прямых экономических отношений с ЕАЭС // Телеканал «Мир». 2018. 20.03. — https://mir24.tv/news/16296842/tigran-sarkisyan-bolee-50-stran-hotyat-pryamyh-ekonomicheskih-otnoshenii-s-eaes (дата обращения: 18.07.2019).

31. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» / Гарант. 2016. 05.12. — https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/ (дата обращения: 18.07.2019).

32. **Шуцунь В., Чинсун В.** СНГ и современная политика Китая // Свободная Мысль. 2012. № 5—6.

33. **Bondaz A.** China's Foreign Policy: Prioritising the Neighbourhood // European Councilon Foreign Relations. — http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_(2).pdf) (дата обращения: 18.07.2019).

34. **Gao Cheng.** Surrounding Environment Changes: Challengest China's Rise // China International Studies. 2013. September—October.

35. **Li Xing, Wang Chenxing.** Prospects of the Eurasian Union : A View from China // International Trends (Mezhdunarodnye protsessy). Vol. 2. № 3(4).

36. 丝绸之路经济带 [Экономический пояс Шелкового пути]. — http://silkroadeb.com/nd.jsp?id=339 (дата обращения: 18.07.2019).

37. 国务院关于加快实施自由贸易区战略的若干意见 [Некоторые рекомендации Госсовета по ускорению реализации стратегии создания зон свободной торговли] // Чжунгочжэнфуван. — http://www.gov.cn/zhengce/content/2015—12/17/content_10424.htm (дата обращения: 18.07.2019). ◆